

Павловский Алексей Игоревич

**СУЩНОСТЬ РЕАЛЬНОСТИ И ПРЕДМЕТНОСТЬ ОНТОЛОГИИ: ОБОСНОВАНИЕ
ФЕНОМЕНАЛИЗМА**

Статья обосновывает феноменистический подход к описанию бытия, необходимость и достаточность ограничить осмысление бытия рамками нашего представления. Рассматривая различные варианты гипотезы о сущности объективной реальности, автор показывает их недоказуемость, а затем обосновывает ненужность этого знания для осуществления смысла нашего познания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/9-1/32.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 122-127. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 111.1

Философские науки

Статья обосновывает феноменалистический подход к описанию бытия, необходимость и достаточность ограничить осмысление бытия рамками нашего представления. Рассматривая различные варианты гипотезы о сущности объективной реальности, автор показывает их недоказуемость, а затем обосновывает ненужность этого знания для осуществления смысла нашего познания.

Ключевые слова и фразы: бытие; данность; конец онтологии; объект; объективная реальность; ограниченность воли; онтология; связность переживаний; смысл познания; совокупность переживаний; субъект; субъективная реальность; Я; *cogito*.

Павловский Алексей Игоревич, к. филос. н., доцент
Тюменский государственный университет
tiranosawr@yandex.ru

СУЩНОСТЬ РЕАЛЬНОСТИ И ПРЕДМЕТНОСТЬ ОНТОЛОГИИ: ОБОСНОВАНИЕ ФЕНОМЕНАЛИЗМА[©]

Исследование выполнено при поддержке средств государственного задания Минобрнауки 2013 г.

Существует ли данность?

Бродят, бродят по Европе слухи о конце онтологии. Недавно один умный человек сказал мне: «Онтология сдохла», – выразив тем самым насущную мечту европейской интеллигенции. Что уж говорить о будущей судьбе философии, если сами философы считают несуществующей ту ее часть, которая на протяжении большей части истории развития философской мысли считалась основной.

В рассуждениях о конце онтологии чудится уверенность в беспочвенности всяческих определенных суждений о реальности, в текуче-изменчивой сущности окружающего нас мира, в невозможности четкости и однозначности мысли о нем...

Впрочем, не будем пока ставить диагноз. Рассмотрим тезис о «конце онтологии» более обстоятельно. Несуществование некоторой дисциплины, занимающейся познанием мира, может быть обусловлено либо отсутствием объекта познания, либо невозможностью его познавать.

Онтология определяется как учение о бытии. Отсюда следует, что она может не существовать по причине отсутствия этого самого бытия. Бытие – все то, что существует, а значит, утверждение о его несуществовании сводится к утверждению о том, что ничего нет. Так ли это?

Допустим, я вижу машину. Существует ли она? Да, потому что я ее вижу.

Допустим, я испытываю чувство голода? Существует ли оно? Да, потому что я его испытываю.

Допустим, я представляю себе прекрасную даму? Существует ли она? Да, потому что я ее представляю.

Мне могут возразить, что данные вещи существуют в разных смыслах, а вопрос как раз и заключается в том, существуют ли эти вещи на самом деле, сами по себе, вне моего видения, испытывания, представления.

Я отвечу, что вопрос о том, как они существуют, нас пока не интересует. Нас интересует, существуют ли они хоть каким-то образом, а в этом случае сам факт моего видения, испытывания, представления является для меня доказательством их существования.

Но в этом случае их существование обусловлено существованием самого того Я, переживания которого позиционируют эти вещи в качестве существующих. Но существует ли само это исходное Я?

Если абстрагироваться от вопроса о существовании Я самого по себе, а вопрошать о том, что существует ли это Я хоть в каком-нибудь смысле, мы возвращаемся к известной декартовской формуле *cogito ergo sum*, которая в этом плане представляется нам безупречной. Я есть данность, которая и задает сама себе вопрос о собственном бытии, а так как само это задание вопроса есть переживание, то самим этим переживанием Я определяется как объект этого переживания самого себя, если и не как его субъект.

Строго говоря, из существования переживающего (видящего, испытывающего, представляющего, мыслящего) вовсе не следует существование субъекта переживания, ибо переживание не является переживанием субъекта, но переживанием субъектом. Но, осуществив акт помысливания себя, Я мыслит себя как объект, являющийся субъектом всякого другого переживания, а потому в каком-то смысле существует как такой субъект.

Вопрос о том, является ли это Я таким субъектом на самом деле, мы снимаем, ибо выше уже было указано, что мы вообще пока абстрагируемся от рассуждения о том, что существует на самом деле.

Таким образом, переживание самого факта своего существования, который суть переживание чего-то субъектом, делает невозможным непротиворечивое сомнение в собственном существовании в рамках помысливания себя, а вне этих рамок сомнение в собственном существовании невозможно по факту отсутствия самого процесса сомнения. Это и позволяет нам утверждать, что бытие существует и составляет собой содержание всей совокупности переживаний Я. Полную совокупность содержания переживаний Я можно обозначить термином «данность». Итак, данность существует!

Вопрос о соотношении данности и бытия: два вида реальности

Если понимать под бытием все существующее, то все данное одновременно является обладающим бытием, так как оно существует хоть в каком-то смысле. В то же время обратное утверждение отсюда не следует, так как остается открытым вопрос, во-первых, о существовании чего-то такого, что не содержится в переживании, а во-вторых, о существовании того же самого, что уже содержится в переживании, но в ином смысле, нежели оно там содержится. Строго говоря, бытие должно включать в себя все содержание моего переживания, переживания других субъектов (если они существуют), существующее вне чьего бы то ни было переживания (если такое возможно), иными словами – существование всего и во всех смыслах.

Допустим, кто-то в темноте принимает стул с одеждой за чудовище. Это воспринимаемое им чудовище относится и к данности, и к бытию, в то время как стул с одеждой не относится к данности для данного субъекта, но относится к бытию. Вопрос о соотношении данности к бытию, таким образом, – это вопрос о существовании чего-то за пределами совокупности переживаний некоторого конкретного субъекта.

И речь здесь идет не только о том, что постоянное обогащение совокупности наших переживаний о мире свидетельствует о том, что еще некоторое время назад мы обладали неполнотой этой совокупности, по сравнению с существующей на данный момент у нас же, а значит, можно выдвинуть гипотезу о том, что тогда существовало нечто, неизвестное нам тогда (но известное сейчас). Речь также – о том, что может быть выдвинута гипотеза о том, что некий объект переживания за пределами нашего переживания (как уже упоминаемый стул с одеждой) существует не так же, как внутри этого переживания.

В данном случае мне представляется позволительным говорить о двух видах реальности: субъективной и объективной. Оправданность употребления здесь именно термина «реальность» кажется мне обоснованной.

Ведь что такое объективная реальность? Это то, что реально само по себе, вне зависимости от акта моего переживания; то, что будет реально вне моего переживания; объекты, которые существуют сами по себе; процессы, которые протекают сами по себе и т.д. «Сами по себе» означает «вне акта моего переживания их».

А что такое субъективная реальность? Это то, что реально воздействует на меня, что реально вмешивается в мою жизнь. А реально вмешивается в мою жизнь только то, что входит в состав совокупности моих переживаний. Конечно, оно может быть детерминировано тем, что существует независимо от меня и моих переживаний, но при этом эта часть объективной реальности влияет на меня таким образом, каким она представлена в моем переживании.

Вернемся к примеру с ребенком, который принял стул за чудовище. Источником подобного переживания являются стул, темнота, истории про чудовища и т.д. (здесь я на время исхожу из гипотезы о том, что объективная реальность существует). Но не стул сам по себе вызывает страх, а то, что он воспринимается как чудовище: не истории про чудовища, ибо, во-первых, это не истории про данное чудовище, во-вторых, истории про чудовища, как правило, закачиваются благополучно, и, в-третьих, родители чаще всего говорят ребенку, что на самом деле чудовищ не существует. Страх обуславливается тем, что ребенок переносит содержание этих историй про чудовища на себя и свою жизнь (представляет их в качестве реальных для себя). И не темнота сама по себе, а то, что темнота является временем для чудовищ. Можно вообразить и другие факторы, которые подталкивают ребенка к тому, чтобы представить стул чудовищем, но для всех них верно одно: они не сами по себе вызывают страх, а то, как они переживаются.

Представим себе, что родители пришли на крики ребенка, включили свет, показали ему стул и объяснили его ошибку. Субъективная реальность меняется, переживается снова стул, а не чудовище. И страх проходит именно потому, что чудовище более не переживается, хотя стул остается на месте.

Потом стул убрали и снова выключили свет. И ребенок, который помнит свой страх, запросто может вообразить чудовище снова, но уже не как то, что он видит, а как то, что может сейчас прийти. А еще ему может присниться чудовище. В обоих этих случаях он реагирует на нечто воображаемое, объективные основания которого стали еще меньше, чем в первом случае, ибо стула-то уже нет в комнате.

Вообще в случае с воображением наиболее ясно видно, что именно данность – суть то, что реально воздействует на нас, вмешивается в нашу жизнь, до какой-то степени определяет и ограничивает ее. То есть данность – это и есть субъективная реальность, а раз так, то субъективная реальность существует.

А бытие – это полная совокупность объективной реальности и всех субъективных реальностей. В этом смысле вопрос о соотношении данности и бытия – это вопрос о соотношении субъективной и объективной реальности. Другие субъективные реальности для меня не существуют вовсе: они не являются ни частью моей субъективной реальности, ни частью объективной реальности. Для меня существуют тела этих субъектов, их действия, поступки, рассказы об их переживаниях, но не сами переживания.

Существует ли объективная реальность?

Вопрос о сущности объективной реальности имеет смысл только в том случае, если эта объективная реальность имеет хоть какое-то отношение к субъективной реальности. Если же она никоим образом не воздействует на наши переживания, она для нас не существует. Даже сам вопрос о ее существовании может быть поставлен только в том случае, ежели мы умозаключаем его, отталкиваясь от наших переживаний, посредством которых мы приходим к надежде на ее существование.

Можем ли мы представить нечто существующее, которое никогда ни при каких обстоятельствах не может отразиться на переживаниях? Гипотетически можем, но очевидно, что познание этой гипотетической реальности не может быть ни объектом нашего познания, ни объектом нашего интереса.

Если же речь идет о чем-то, что может отразиться на наших переживаниях, то очевидно, что оно относится к той же реальности, которая воздействует на наши переживания, ибо потенциально существующие объекты не отличаются от аналогичных им актуальных объектов по характеру существования. Характер их существования потенциально совпадает с характером существования актуальных объектов (я имею в виду существование в рамках переживания).

Купленная мной в будущем году буханка хлеба в рамках моего переживания будет аналогична купленной мною в этом году буханке хлеба, хотя бы уже потому, что они обе переживаются как материальные объекты и обе имеют форму (не какую-то конкретную форму, а форму вообще).

Иными словами, из того факта, что некая часть объективной реальности может отразиться в моем переживании, следует, что она обладает качествами, делающими это возможным, и само наличие этих качеств делает ее похожей на те части объективной реальности, которые уже отразились в моем переживании.

Таким образом, мы можем обратиться к анализу совокупности наших переживаний для того, чтобы понять, что именно может представлять собой объективная реальность.

Проведем простой опыт. Поставим перед собой пустой стакан и захотим, чтобы этот стакан наполнился водой. Несмотря на все наши душевные усилия, стакан останется пуст. Попробуем захотеть, чтобы стоящая под окном машина исчезла, сама собой, без наличия переживаний, которые представляются нами как действия чувственно-материального плана. Не получится. Отсюда следует вывод: в рамках субъективного переживания мои возможности по манипулированию им ограничены. Возникает вопрос: что ограничивает мою волю в пределах совокупности моих переживаний?

Проведем еще один простой опыт. Приготовьте чай. Что нужно для этого сделать? Вскипятить воду и залить ею пакетик с чаем. Откуда мы это знаем? Мы знаем это на основании наших предшествующих переживаний. Наши предшествующие переживания, таким образом, позволяют нам предвидеть наши последующие переживания. Между отдельными переживаниями прошлого существует некоторая связь, которую мы можем узнать, и которая в некоторых случаях повторяется между аналогичными нашими переживаниями в будущем. То есть совокупность наших переживаний является до некоторой степени связной, в ней присутствуют устойчивые связи. Именно эти устойчивые связи и делают возможным наш опыт.

Я вовсе не утверждаю сейчас, что совокупность наших переживаний насквозь закономерна, так как наряду с удачными предсказаниями будущих переживаний мне известны и неудачные. Тем не менее некоторая связность здесь присутствует. Вы можете каждый день подбрасывать связку ключей в воздух, и каждый день будете наблюдать ее падение вниз. За месяц у вас накопится достаточное количество удачных предсказаний, чтобы судить о связности этих восприятий. И даже если в один прекрасный день ваши ключи зависнут в воздухе, все же несомненно, что в первых тридцати случаях действовала некоторая связность, которая обеспечивала их падение. Возникает вопрос: в чем причина некоторой связности наших переживаний?

Мы обнаруживаем, что мы не являемся хозяевами наших переживаний, наша воля ограничена чем-то, что не является нами самими, а кроме того, мы обнаруживаем в них связность, которую мы сами не создаем, ибо эта связность тоже зачастую является для нас ограничением, которое мы не прочь были преодолеть.

Строго говоря, источник этих ограничений и источник этой связности – не обязательно одно и то же, но мы можем обозначить их как некоторый суммарный фактор X, который является среди наших переживаний чем-то, не детерминированным нами самими. Фактор X суть внешний по отношению к нам фактор, а потому его существование доказывает существование объективной реальности.

Сущность объективной реальности: различные варианты

Проблема заключается в понимании природы фактора X. Мировая интеллектуальная традиция предложила различные варианты его понимания, которые имеет смысл рассмотреть подробнее.

Вариант 1. Реально существует воспринимаемый нами материальный мир (природа), в котором действуют законы природы. Этот мир отражается в наших переживаниях, является тем внешним источником, по поводу которого эти переживания возникают. Конечно, отражаются в наших переживаниях именно явления этого мира, а о его законах мы умозаключаем на основании анализа этих явлений. В этом случае реально существующая природа выступает в качестве фактора источника ограниченности нашей воли в рамках наших переживаний, а законы природы обуславливают наблюдаемую нами связность переживаний. Природа с ее законами выступает в качестве фактора X.

Вариант 2. Того материально мира, который нам кажется воспринимаемым, не существует, но существует некая внешняя сущность, которая продуцирует своим воображением мир, обладающий для нашего бытия принуждающей силой. У Д. Беркли в качестве такой сущности выступает бог, который представляет мир, и именно это божественное представление обуславливает тот факт, что мы представляем этот мир до какой-то степени таким же, как и остальные. В переводе на нашу терминологию получается, что бог извне детерминирует наши переживания, чем обеспечивается ограниченность нашей воли, он же задает и связность, продуцируя законы представляемого нам мира. В этом случае именно бог с созданными им законами и является фактором X.

Строго говоря, внешней сущностью может выступать не обязательно бог. В фильме «Матрица» рассмотрена иная версия. Там показан мир, в котором компьютеры победили людей, засунув их в ванны с питательной жидкостью, а сознаниями навязали иллюзию некоего мира, в котором эти люди уверены как в материальном мире. Фактором X здесь выступает та компьютерная система, которая, по сути, предавая людям этот виртуальный мир, ограничивает тем самым их волю в рамках переживаний и обеспечивает связность этих переживаний не только для каждого отдельного человека, но и между различными людьми.

Принципиальное отличие гипотезы Д. Беркли от гипотезы «Матрицы» заключается в том, что сама компьютерная система является материальным объектом, материальны и тела людей, а потому в мире «Матрицы» за иллюзорным миром, в который заключено сознание людей, находится реальный мир, в котором плавают в ваннах людские тела и существуют сами компьютеры. Вместе с тем с познавательной точки зрения эта разница несущественна, так как более или менее обоснованное рассуждение о материальном мире для человека, всю жизнь прожившего в иллюзорном мире «Матрицы», не в большей степени обоснованно, как и обоснованное рассуждение о боге жителя берклианского мира.

Вариант 3. Существует только сам познающий субъект, а все его переживания являются его творением, в том числе и те переживания, которые для него существуют как представления о внешнем мире. Для того чтобы привести эту гипотезу (гипотезу солипсизма) в соответствие с нашими переживаниями, мы должны в ее рамках объяснить причины ограниченности нашей воли и связности переживаний.

Действительно, если я творю мир, то почему я не обладаю внутри него всей полнотой воли совершить все, что мне вздумается, и почему существует некоторая связность моих переживаний, которая не является продуктом моей воли. Этот парадокс можно разрешить только допущением наличия двух моих воль или как минимум двух составных частей моей воли, которые действуют в относительной независимости друг от друга. Субъект распадается на две части: неосознаваемый субъект 1, продуцирующий волю, накладывающий ограничения и создающий связность по отношению к субъекту 2, который и является обладателем моих переживаний. О наличии каких-то переживаний у самого субъекта 1 нам ничего не известно. Понятно, что именно субъект 1 выступает в этом случае фактором X, в то время как субъект 2 – тем самым субъектом, который обладает переживаниями.

Ситуация не изменится, даже если рассмотреть вырожденный случай, когда субъект существует только в одно мгновение и творит одновременно всю совокупность переживаний на всем протяжении времени, которое он, как ему кажется, проживает. Факт ограниченности воли и связности переживаний неизбежно требует наличия, по меньшей мере, двух субъектов или частей субъекта.

В этом отношении вариант 3 похож на вариант 2, в котором в роли внешней сущности выступает субъект 1, так как он хотя и является внутренним по отношению к субъекту, но тем не менее внешним по отношению к субъекту 2.

Все эти три варианта показывают, что в общем случае объективная реальность имеет две ипостаси, существует двояко. С одной стороны, она существует каким-то образом сама по себе, вне совокупности переживаний субъекта (субъекта 2 в варианте 3). С другой стороны, она каким-то образом существует в отношении переживаний субъекта, в виде ограничений нашей воли и связности, умозаключение о существовании которых вполне доступно для нас на основании наших переживаний.

В варианте 1 внутреннее проявление объективной реальности совпадает с ее внешним существованием, в варианте 2 и 3 они существенно различаются. Там самой по себе объективной реальностью является внешняя сущность (бог, компьютерная система и т.д.) или субъект 1, а внутри нашей субъективной реальности объективная реальность существует в виде некой виртуальной целостности, неподвластной нашей воле и гарантирующей связность нашего мира.

Во всех случаях сама по себе объективная реальность – это фактор X.

Познаваем ли вариант существования фактора X?

Иными словами, можно ли определить, какой из трех вариантов объективной реальности существует на самом деле? Этот вопрос подразумевает обнаружение путей переживания в направлении за пределы объективно заданной границы нашего мира.

Рассмотрим вариант 1. Фактор X – это материальный мир. Представим себе исследователя, который скрупулезно познает этот мир и доходит в этом своем познании до абсолютного понимания. Означает ли это, что он может однозначно свидетельствовать о том, что «за» открывшейся ему реальностью не существует другой реальности, которая детерминирует данную? То есть может ли он, допустим, исключить гипотезу Д. Беркли? Очевидно, что нет. Ибо творимый богом вымышленный мир, по Д. Беркли, как раз и организован таким образом, что он дает полную и убедительную иллюзию материального присутствия, причем не только на уровне непосредственных внешних ощущений, но и на уровне открытия проявляющихся в них законов природы.

Сам Д. Беркли, обнаруживая противоречия в теории материи, как раз доказывает существование бога, но можем ли мы по отсутствию этих противоречий судить о его несуществовании? Если иллюзия материального присутствия построена убедительно, то мы и не можем выйти за ее пределы. Сколько бы мы ни изучали наличные чувственные переживания, за ними мы увидим только связность этих переживаний (в своей наибольшей фундаментальности называемых законами природы), а не бога, «вручную» заставляющего, к примеру, падать тела на землю. Вопрос останется о причине существования этой связности, но на него можно одинаково убедительно ответить и тезисом о целесообразности природы, и тезисом о целесообразности божественного замысла.

Таким же образом не могут быть отвергнуты ни гипотеза «Матрицы», ни гипотеза солипсизма. Причем по той же самой причине оба фактор X в этом случае могут сотворить убедительную иллюзию.

Рассмотрим вариант 2. Фактором X выступает внешняя сущность. Можно ли обосновать эту гипотезу, отвергнув заведомо варианты 1 и 3? Нетрудно убедиться, что нет. Рассуждая о факторе X, мы можем умозаключать только на основании совокупности наших переживаний. Но фактор X находится за пределами этой совокупности. Для того чтобы получить знания о нем, мы должны либо выйти за пределы этой совокупности, либо фактор X должен обнаружить свое присутствие в рамках этой совокупности.

Чисто логическое умозаключение и свидетельство других лиц не могут выступать тут убедительными аргументами. Свидетельство может приниматься только на основании моего доверия к человеку, изрекающему это свидетельство, что является недостаточным для обоснования. А логическое умозаключение, как это имело место с самим Д. Беркли, оказывается основанным на весьма существенных предположениях, предшествующих самому умозаключению, которые, в свою очередь, тоже должны быть обоснованы. Сам Д. Беркли принимает как данность классическую модель причинности и классическую теорию качеств, причем принимает без обоснования. Но у нас уже есть теоретические альтернативы: статистическая (вероятностная) теория причинности и релятивистская теория качеств. Они умозрительно не менее убедительны, чем их классические аналоги. Но если их принять, то станет понятным, например, почему предмет может быть одновременно и большим, и маленьким (относительно чего его воспринимать), и т.д.

Выход за пределы совокупности наших переживаний возможен только в том случае, если в иллюзии материального присутствия имеются «зазоры» или если они могут быть сделаны изнутри. Эта возможность демонстрируется в «Матрице». Съешь нужную таблетку – и очнешься в ванне с питательной жидкостью. Проблема в том, что как только человек включает в состав совокупности своих переживаний информацию о той реальности, которая предшествует привычному для него миру, реальностью для него становятся уже оба мира. Для героя «Матрицы», съевшего таблетку, данностью становится уже не только мир компьютерной виртуальности, но мир машин и людей, в котором мир виртуальности становится всего лишь частью.

При этом для него самого исходный мир перестает быть по-настоящему реальным, а заодно возникает проблема существования нового фактора X, который детерминирует уже этот новый для него мир. Остальные же люди остаются в рамках старого мира. Иными словами, даже если чудесным образом и расширить свои переживания за прежние пределы, фактор X останется (он лишь отодвинется), а для остальных людей мира (не расширивших совокупность своих переживаний) полученный данным индивидом опыт является совершенно бессмысленным. Мы с вами оговорили, что объективная реальность суть то, что ограничивает и связывает всю совокупность наших переживаний, а потому столь существенное расширение этой совокупности заставляет пересматривать и вопрос о том, что является фактором X.

Фактор X может обнаружить свое присутствие в пределах совокупности наших переживаний, например, если бог лично информирует людей о своем существовании и о том, что гипотеза Д. Беркли верна. Но и здесь тоже мы наталкиваемся на те же проблемы: необходимость доказать обоснованность доверия к источнику информации и пересмотр характера фактора X при расширении совокупности наших переживаний.

Иными словами, обосновать вариант 2 столь же невозможно, как и вариант 1.

Рассмотрение варианта 3 будет дублировать предыдущее рассмотрение. Действительно, субъект 1 формирует иллюзию материального присутствия так же, как и внешняя сущность, а потому и попытка обосновать его натывается на те же препятствия.

Таким образом, мы точно знаем, что фактор X существует, но не можем знать, какой из вариантов его существования истинный.

Как имеет смысл познавать объективную реальность?

Казалось бы, это должно повергнуть нас в глубокий познавательный пессимизм, ибо представляется, что отсутствие понимания того, с каким из факторов X мы имеем дело в реальности, делает невозможным и познание его сущности, а именно это познание принято считать целью онтологии. Но подобный пессимизм развеивается, если задать вопрос о том, зачем человеку вообще нужно знание реальности.

Мы используем наше знание реальности для того, чтобы ориентироваться в совокупности наших переживаний, для того, чтобы организовать их наиболее благоприятным для себя образом. Знание ограничений воли и существующей связности позволяет предвидеть возможные последствия среди переживаемого, в первую очередь связности между тем, что воспринимается нами как наши собственные поступки, и тем, что воспринимается как последствия этих поступков.

Знание связности между переживанием соединения нагретой воды с пакетом чая и переживанием готового чая, а затем и с переживаниями вкуса чая и пользы чая позволяет нам целенаправленно заваривать чай. При этом совершенно не важно, существует ли чай как материальная данность; во всех трех вариантах фактора X результатом является переживание удовольствия от потребления чая и радости от того хорошего самочувствия, которое он формирует. На основании знания о том, что чувство голода перестает переживаться после целенаправленного конструирования переживания потребления пищи, мы избавляемся от этого переживания голода и испытываем радость от гармоничного состояния нашего организма. И здесь тоже не важно, происходит это на уровне материально-чувственных переживаний или в иллюзорной реальности. Иными словами, для достижения целей познания нам совершенно не нужно знание того, каков именно фактор X, нам вполне достаточно знание о том, какую связность и ограниченность воли этот фактор привносит в совокупность наших переживаний.

Ранее уже отмечалось, что объективная реальность существует двояко: как фактор X и как привнесенная им в совокупность наших переживаний ограниченность воли и связность. Объективная реальность может познаваться только в этом втором смысле, но не может познаваться в первом. Но одновременно ее и познавать имеет смысл только во втором плане, а не в первом. Даже если бы мы чудесным образом точно установили, что представляет собой фактор X, но не знали бы, что он привносит в наши переживания, такое познание было бы бесполезным. В то время как без знания варианта существования фактора X познание того, что он привносит в наши переживания, полностью обеспечивает нас всем необходимым для того, чтобы ориентироваться в наших переживаниях наиболее благоприятным образом.

Вообще-то, разговор о существовании и природе фактора *X* не является для нас совсем бессмысленным. Мы можем рассуждать о нем именно потому, что можем представить переживаемую нами реальность как имеющую «прорехи» (вроде нужной таблетки «Матрицы» или логических противоречий нашего восприятия у Д. Беркли). Правда, это наше рассуждение может носить гипотетический характер, ибо практическая его реализация связана с изучением все той же реальности наших переживаний, в которой мы, собственно говоря, и ищем «прорехи».

А теперь представим себе, что мы нашли такой выход (проснулись, проглотили нужную таблетку и очнулись в ванне с питательной жидкостью или доказали, что все мы живем среди иллюзий, сотворенных берклианским богом). Утрачивает ли при этом для нас смысл наше изучение реальности наших переживаний, в которой мы до этого жили? Нет. Во-первых, это дает нам много информации о том самом факторе *X*, который мы открыли. Сны исследуют для познания спящего. Выстраивая определенный мир иллюзий для человека, берклианский бог проявляет в нем свое отношение к людям. Особенности виртуального мира «Матрицы» говорят нам многое о человеческом мире, который был взят за основу, и о понимании машины этого мира. Во-вторых, нам зачастую придется возвращаться в эту реальность наших переживаний. Возможно, мы снова уснем, и нам снова будут сниться сны, в которых проявляется аналогичная связность. Сам факт признания существования за нашим миром берклианского бога не означает, что мы тут же покидаем этот мир, мы в нем остаемся, и берклианский бог не станет менять его для нас только потому, что мы доказали его существование. Если мы хотим вступить в войну с машинами, то нам придется вернуться в виртуальный мир «Матрицы», чтобы привлечь на свою сторону других людей.

Поэтому вопрос о поисках «прорех» является всего лишь частным случаем общего познания данной нам реальности, то есть существующей для нас полной совокупности наших переживаний.

Может показаться, что таким путем мы приходим к феноменологической редукции Э. Гуссерля, но это не так. Фактор *X* и его данность нам суть неразрывное целое, фактор *X* как-то там существует сам по себе и как-то существует для нас, привнося в наши переживания связность и ограниченность воли. Но так как и то, и другое – суть способы существования фактора *X*, который в нашем понимании существует объективно, познание их, несомненно, относится к онтологии.

Итак, часть бытия не только может выступать в качестве объекта онтологии, но и является необходимым объектом познания, без познания которого невозможно никакое целенаправленное и осмысленное ориентирование среди наших переживаний.

Как нам дана объективная реальность?

Объективная реальность, таким образом, – это независимая от наших переживаний часть бытия. Но так как ничто за пределами наших переживаний не может быть нами познано, то познаваема эта объективная реальность только в той мере и в том виде, в каких она имманентна совокупности наших переживаний, находится внутри них. Совокупность наших переживаний суть данный нам мир. Объективная реальность присутствует в этом мире объективно, то есть как раз в виде того, что неподвластно нашей воле, в виде связности переживаний и ограниченности воли. Собственно говоря, эти связность и ограниченность и выступают настоящим предметом онтологии, их познание дает нам информацию о существующей для нас объективности.

В этом отношении объективная реальность суть граница нашего мира, она ограничивает нашу субъективную реальность, задает ей каркас, ограничивая, определяет ее возможности. Одним словом, отделяет возможное от невозможного. Объективная реальность устанавливает правила игры в заданных ею рамках, и потому познание объективной реальности суть возможность преодоления этих рамок. Изобретение воздушного шара и самолета – ответ на ограничения со стороны закона всемирного тяготения, изобретение лжи и лицемерия – ответ на ограничения со стороны других людей и т.д. Чем дальше заходит наше познание объективной реальности, тем выше наши способности преодолеть ее ограничения. В этом в конечном счете – смысл всякого познания.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Собрание сочинений. М.: Гнозис; Дом интеллектуальной книги, 2001. Т. 3. Логические исследования. Т. II. 529 с.
2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
3. Кассирер Э. Философия символических форм. М.: Академический проект, 2011. Т. III. Феноменология познания. 398 с.

ESSENCE OF REALITY AND OBJECTIVE NATURE OF ONTOLOGY: SUBSTANTIATION OF PHENOMENALISM

Pavlovskii Aleksei Igorevich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Tyumen' State University
tiranosawr@yandex.ru

The author substantiates phenomenalist approach to the description of being, the necessity and sufficiency to limit the comprehension of being within the framework of our understanding; considering different variants of the hypotheses about the essence of objective reality shows their unprovability, and then substantiates the uselessness of this knowledge for implementing the sense of our cognition.

Key words and phrases: being; given; end of ontology; object; objective reality; limited nature of will; ontology; connectivity of experiences; sense of cognition; set of experiences; subject; subjective reality; I; cogito.